

ЗАЧЕМ НУЖНО ГОВОРИТЬ С РЕБЕНКОМ?

КАРОЛИН ЭЛЬЯЧЕФФ

Каролин Эльячефф – детский психоаналитик, педопсихиатр, руководитель Центра по усыновлению детей в Париже. В 2007 году в г.Ижевске на встрече детский психологов, психоаналитиков и терапевтов Каролин выступала с речью. Представляем отрывок из данной речи. Эта информация будет полезной родителям и педагогам.

Отсутствие языка, обращенного к ребенку, который еще не умеет говорить, приводит к последствиям, которые в первую очередь проявляются телесно, как болезненно повторяющиеся. Мозг ребенка получает стимулы извне и изнутри. Изнутри — это его собственные ощущения, о которых мы говорили. Он классифицирует их каким-то образом, соотносит, то есть он производит некий смысл. И сам он тоже подает сигналы, которые не всегда просты для понимания. Но мозг младенца полностью связан с его телом, что объясняет, что он может выражать свои эмоции биологическими разными проявлениями. Мы психоаналитики считаем, что символическая деятельность присутствует с самого начала, с самого рождения, и ее можно заметить на уровне телесных функций. Это длится всю жизнь. Например, можно всю жизнь краснеть, испытывая какую-то эмоцию. Но когда научаются говорить, язык в итоге берет верх над ними, над телесными функциями. Мы больше начинаем выражать словами, чем телом.

С самого рождения большая часть телесных функций уже присутствует и не требует обучения, иногда только созревания. Это пищеварительный тракт, дыхательный аппарат, иммунитет, чувствительность, все, что касается пяти органов чувств. Кажется, что речь взрослого к младенцу — это своеобразный организатор, способный установить, изменить, переместить условия функционирования биологического тела, и таким образом психики. Эта речь, эти слова позволяют ребенку придать смысл собственным ощущениям, и это его основная деятельность. Когда он только ищет эту речь, он начинает испытывать определенный хаос. И это болезненнее для него, особенно, когда у него еще нет средств, чтобы это выразить. По той или иной причине, так или иначе, когда вы не чувствуете способность сказать, что-то сообщить ребенку, лучше сказать ему: «ты поймешь это позже», чем вообще ничего не говорить. Потому что, когда так говоришь, он знает, что существует что-то, что он должен понять. И что он это способен понять, но что взрослый не способен ему сказать. Что является лживым, так это — сказать ему, что ты слишком маленький, чтобы это понять.

Франсуаза Дольто говорила, что говорить с ребенком — это не вопрос уровня владения речью, но совпадения смысла и времени. Это значит, что мы не можем говорить не важно что, не важно когда. Потому что, вы прекрасно знаете, что речь, обращенная одного человека к другому, важна семантическим наполнением, но неотделима от контекста и от человека, который ее произносит. Как взрослые, вы это прекрасно знаете, что неодинаково воспринимаются слова, сказанные начальником, другом или

врачом. Последствия бывают разные. Вы оказываетесь по-разному затронуты. Это касается удовольствия или неудовольствия. Тоже самое касается и детей. В своих консультациях с младенцами Франсуаза Дольто очень настаивала на назывании. Называние ребенка по имени, которое сразу же включает его в ряд символический, семейный и социальный. Но также и называние предметов. Например, предметов, которые находятся на столе. Почему? Вы знаете, что сейчас уже приобретен большой опыт по наблюдениям за младенцами. Мы уже знаем, что он может различать полосы горизонтальные или вертикальные. И он может сделать определенную классификацию. Но, все равно, ему не хватает главного — знания об аффективности. Все частичные ощущения, которые получает ребенок, например: звук, картинки, изображение, запахи либо тактильные ощущения... Они обретаю смысл для ребенка только в общении с кем-либо. Отсортированные, классифицированные предметы без аффективной привязки могут взаимно заменяться. Может быть, но это не значит, что они идентичны. Пример из лечения малышей: ребенок берет фломастер как просто палочку, и подносит ко рту. Но как только назван цвет фломастера, например, если сказать ему: «Ты подносишь ко рту красный фломастер», ребенок смотрит на него, и предмет начинает существовать. Потому что в него вложена моя речь. Малыш начинает смотреть на другие фломастеры и выбирать, пока ему называют цвета. Речь не может идти о том, что нужно ребенка учить говорить. Но если с ребенком не говорить, он не научится говорить. Называя предметы, мы привязываем предметы к человеку, который их называет. И предметы определенным образом начинают представлять человека. И это очень важно. Когда кто-то находится один, когда вы одни, — предметы, которые вас окружают, могут быть мертвыми. Или в них может жить человек, который вам их назвал. Называя предметы для ребенка, мы заставляем его чувствовать, что он не один. И это уже предупреждение, профилактика негативных последствий одиночества.

Одиночество — это проблема, с которой мы сталкиваемся во всех возрастах и особенно в старости. Дети, которых я еще принимаю, страдают главным образом от хаоса в их чувствах. Поэтому важно говорить им не все подряд. Речь психоаналитика, обращенная к ребенку, — речь идет о страдающих детях, потому что других ко мне не приводят, — эта речь должна на что-то опираться. И это может быть его происхождение, потому что произошел разрыв, пустота иногда, дисгармония или насилие. Это то, что уже будучи взрослыми вы можете почувствовать следующим образом: например, вы слушаете речь в бреду или вы слушаете научную лекцию, в которой вы совершенно не понимаете терминов. Или иногда по телевидению, когда вы слышите, как комментируют изображение. Или вы смотрите на картинку, выключив звук. Или, например, вы смотрите плохо отдублированный фильм. Когда звук и слова не совпадает с артикуляцией. Все это, если вы не знаете в чем дело, может вызывать ощущение странности. Достаточно человека, который вам скажет: «Это плохо отдублированный фильм» И тогда это состояние пропадает. Подобным

образом я представляю себе то, что происходит у младенцев. И я думаю, что слово правды, сказанное нужным человеком, позволяет кодировать придавать смысл, соединять, вносить порядок и успокаивать. Иногда то, что нам предстоит сказать младенцу очень болезненно. Например, что один из родителей умер. Или что детей оставили, и их будут усыновлять. В этих ситуациях многие взрослые думают еще, что лучше вообще ничего не говорить. Но такой образ мыслей создан, для того чтобы защищать взрослых, а не детей. Очень не просто взрослому обратиться к ребенку, с представлением о том, что он сейчас принесет ему боль. На самом деле, эта преувеличенная сентиментальность — плохой советчик. Что бы ни предстояло сказать ребенку. Например, мне в практике приходилось говорить ребенку, что его отец — убийца; или что его брат-близнец умер при родах. Младенец всегда, я настаиваю на «всегда», будет чувствовать себя лучше. В том смысле, что его ощущения будут соответствовать его окружению. Мне кажется, что несогласие, несоответствие между словами и его восприятием, возможно, это самое худшее, что может быть с человеком, и особенно до овладения речью. Когда ничего не говорится, ребенок испытывает хаос и пустоту. Но когда говорят ложь, ребенок организуется вокруг этой лжи. Эта ложь будет отрицанием чувств, которые он испытывает. Ребенок до овладения речью не способен критиковать то, что ему сказано. Все что сказано взрослым — правда. Проблема в том, что взрослые говорят много глупостей. Для младенца все, что взрослый говорит — правда. И он предпочтет организовать себя, свою жизнь вокруг этих лживых слов, связать свою жизнь, связать свои ощущения, чтобы найти правильный для него смысл, чтобы не потерять любовь взрослого. Вот, например, классический случай: в случае кончины родителя ребенок прекрасно ощущает атмосферу, которая при этом создается. Ему нужно быть включенным в это. Под предлогом избежания причинения боли ребенку, ему говорят, что умерший далеко уехал. В этой ситуации он не может понимать, что происходит. Он будет искать объяснения, даже если то, что ему сказано — ложь, неправда.

В ходе моих консультаций с более старшими детьми и также и со взрослыми людьми или в моем окружении, я очень часто бываю поражена тем, насколько часто пациенты жалуются на свою неуверенность в себе. Я думаю, что вполне можно понять это чувство, которое очень распространено даже у тех, кто кажется очень социально защищенным в жизни. Мы можем это понять как трудность или даже неспособность доверять себе, т.е. интерпретировать свои чувства или четко следовать своему образу мыслей. В свете моей работы с младенцами, я думаю, что у большинства из нас уже был опыт этих ощущений, не связанных с речью. Опыт, который так и остался ассоциированным с хаосом или с пустотой. Если этот опыт не был подвергнут отрицанию. Я думаю, что самые чуткие из людей сохраняют чувствительность к этому. Чувствительность выражается отсутствием доверия к себе. Частичная или полная невозможность формировать и продуцировать смысл. Доверие к себе предполагает

способность рискнуть ошибиться, и не сломаться при этом. Прожить ошибку как опыт, открытие, которое позволит снова поверить в себя, но только, если вы пересмотрите определенные вещи.

Когда говорим с кем-либо, мы представляем себе человека, к которому мы обращаемся. Когда говорят с ребенком, у нас обязательно существует некий образ ребенка. Когда не говорили с детьми, ребенка представляли себе человеком, не способным понять, а значит, смысла с ним говорить нет, он все равно не поймет — о чем речь. Хорошо, что мы сейчас иначе себе представляем детей.

Очень часто бывает, что люди ошибаются в том, что они говорят. Можно ошибаться. Но главное — не врать. Часто мне задают вопрос о том, что должно или не должно быть сказано ребенку. Мне кажется, этот вопрос не может быть поставлен таким образом. Мне кажется, что профессионал должен подумать о том, раскрывает ли то, что, по его мнению, он должен сказать, позицию, которую он занимает по отношению к ребенку? Это предполагает, что они уже хорошо продумали, какова эта позиция. Большая часть работы сделана, если они это действительно продумали. Это символическая позиция. Символическая позиция, которую мы занимаем по отношению к ребенку: преподаватель, судья, родитель или продавец, — имеет цель ограничить то, что предстоит сказать ребенку. Кто угодно не может что угодно говорить ребенку, при каких угодно обстоятельствах. Страх ранить ребенка, столкнуть его с правдой, например, о том, что делается или кем являются его родители, — происходит из того, что нам не удается принять то, что для ребенка лучше всего знать и что говорить о знании. Каким бы оно болезненным не было, это лучше, чем не знать и оставаться одиноким в своем незнании.

Сегодня некоторые из наших детей, я бы сказала, закармливаются словами. Есть родители и профессионалы, которые, не останавливаясь, разговаривают с детьми. И дети от этого пьянеют. Но умеем ли мы слушать детей, особенно когда они еще не умеют говорить? Что такое слушать? Слушать кого-то, значит уметь идентифицироваться с тем, что сказано. Иногда это выстраивание гипотезы о том, что мы поймем позже, смысл придет когда-нибудь. Трудность слушания в том, что это вызывает у нас. Это может нас затронуть, разъединить, иногда сильно задеть. И эмоции начинают нас переполнять. Существуют два способа, по меньшей мере, не слушать другого. Один из способов состоит в том, чтобы не признавать другого подобным себе. А другой способ — это не признавать другого отличным от себя. Мне кажется, что, в частности младенцы, вызывают у нас, являемся ли мы родителями или профессионалами, сильные, а иногда очень архаичные чувства, которые очень сильно ограничивают нас в наших отношениях с ребенком и в понимании ребенка, к которому мы стремимся. Нужно озвучить факт, как можно ближе к тому, что вы знаете. И сам ребенок будет решать — негативно это или позитивно. Нам это трудно, т.к. у нас есть приоритеты. Например, мы думаем, что быть брошенным — это ужасно, и мы думаем, как бы так сказать, чтобы это не было страшно ребенку. В первую очередь,

важно обозначить, что у тебя есть мама и папа, от которых ты родился, здесь мы точно уже не ошибемся. По причинам, которые известны или нет, они не смогли тебя вырастить. Они предпочли, чтобы тебя усыновили. Достаточно просто сказать в определенных рамках в определенный момент, что вам известно. Иногда это очень трудно, но это трудно для взрослого. Это трудно, но не для ребенка. Но другое, это то, что надо будет к этому вернуться. Когда вы говорите, об этой ситуации в шесть месяцев... Но вам придется вернуться к этому вопросу. Нет такого правила, что нужно все сказать. Здесь нужно быть разумным. Понять : вы не говорите чего-то, потому что вы не можете этого сказать или не говорите из желания защитить ребенка. К детям, естественно, обращаются исходя из их возраста. Есть элементы, которые вы можете привести чуть позже.

Обобщая свою речь, хочу сказать, что речь, обращенная к ребенку – придает смысл жизни для ребенка, делает его жизнь реальной. Называя вещи своими именами, мы вдыхаем в ребенка жизнь.